

почти ты то, что я чту” – вот что значит и вот как вам ответит народ, а иначе он никогда вас за своего не признает, сколько бы вы там об нем ни печалились. <...> Пушкин любил народ не за одни только страдания его. За страдания сожалеют, а сожаление так часто идет рядом с презрением»¹. Левая, наиболее многочисленная часть русской интеллигенции была носителем больной совести. Именно по отношению к такой совести применимо определение К. Маркса, сказавшего, что «совесть – это бессилие в действии». Только духовным бессилием можно объяснить объединение интеллигенции в кружки и партии, и им же можно объяснить невиданную прежде жестокость Ленина и большевиков. Однако объединенное бессилие, движимое больной совестью, есть страшная разрушительная сила. Россия дважды в XX столетии стала жертвой ресентиментного сознания, присущего ее интеллигенции.

Итак, как мы попытались показать, проблема добра и зла, будучи одной из вечных тем мировой философии, получила специфическое преломление в отечественной мысли, которая стремилась соединить теоретическую рефлексию над ней с духовной традицией восточного христианства и особенностями русской культуры.

¹ Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. Париж, 1949. С. 256.

² Карсавин Л. П. Восток, Запад и русская идея // Соч. М., 1993. С. 214–215.

³ Лосский Н. О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра. М., 1993. С. 240.

⁴ См.: Шеллер В. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999.

⁵ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 1989. С. 500–502.

ОЧЕРК БЫТИЙНОГО ИМПРЕССИОНИЗМА

Д. М. Федяев

Омский государственный педагогический университет

В последние десятилетия основательно и всесторонне исследовалась русская философская традиция. Сегодня можно смело считать «общими местами» следующие суждения.

1. Русская философия есть в значительной степени философия логоса; она тяготеет к интуитивному, мистическому постижению бытия.

2. Русская философская мысль теснее и органичнее, чем западная, связана с мыслью религиозной.

3. Художественная литература является кладезем самобытной русской философии (А. Ф. Лосев).

Между тем действительное содержание и взаимосвязь приведенных тезисов требуют дальнейшего исследования. Интуитивное постижение бытия едва ли может быть осуществлено в рамках «профессиональной» философии, которая по самой своей природе призвана оперировать категориями, следуя строгой логике, хотя бы и диалектической. Своеобразная (возможно, наиболее полная) реализация «программы», выдвинутой профессиональной философией, состоялась в русской классической литературе с ее особой философичностью. Русская литература оказалась способной дать читателю *переживание* бытия, живое *впечатление* приобщения к нему. В этом смысле русская литература является философией чувства, впечатления. Насколько я могу судить, выделенный аспект развития русской философии и соответственно аспект философичности русской литературы до сих пор почти не исследовался. Именно способность русских писателей вызвать в читателе впечатление приобщенности к бытию для краткости названа *бытийным импрессионизмом*. Надо полагать, что специфика творчества русских писателей не может быть совсем уж уникальной. Нечто подобное должно иметь место и в литературе других народов. Тем не менее исследование бытийного импрессионизма целесообразно провести именно на материале русской литературы, в которой он выражен наиболее явно.

Прежде всего следует поставить вопрос о том, как именно философское содержание литературного произведения способно воздействовать на обычного читателя (не филолога и не философа), определять его впечатления. Обычно, если какое-либо произведение характеризуют как философское, читатель не ждет от него ничего хорошего. Ему представляется скучный текст с унылым сюжетом и неубедительными героями, которые, однако, много и красиво говорят, а автор не скупится на длинные «общие» рассуждения... Исследователя-профессионала интересует прежде всего философичность, не лежащая на поверхности в форме прямых высказываний, а «снятая» в сюжете и физиономиях героев. Обычный же читатель вполне способен не заметить «зашифрованного» в тексте философского содержания. Тем не менее иной раз оказывается, что литературный текст несет философскую идею инвариантного характера, глубоко укорененную в человеческом опыте, а потому «носящуюся в воздухе». Такая идея самым существенным образом определяет читательское впечатление. Писатель не высказывает ее прямо, читатель ее не вербализует, но ее сила ощущается. В этом случае воздействие философской идеи на читателя носит архетипический характер. Весьма существенно то, что сама концепция коллективного бессознательного, разработанная

К. Г. Юнгом, неразрывно связана с проблемой воздействия на человека художественного произведения. Архетипы, пишет К. Г. Юнг, «проявляются в оформленном материале в качестве принципов его оформления, то есть лишь посредством вывода из завершенного художественного произведения мы в состоянии реконструировать примитивные образцы...»¹. Оказывается, что «любая связь с архетипом “трогает”, это значит, что она действует; ведь она освобождает в нас голос более могучий, чем наш собственный... Вот в чем тайна художественного воздействия. Творческий процесс, насколько мы вообще имеем возможность за ним проследить, заключается в бессознательном оживлении архетипа и его же развитии и оформлении до завершенного произведения»².

Хорошо известно, правда, что К. Г. Юнг считал, что архетип – это прежде всего мифологическая фигура. Вполне естественно спросить: а почему же философская идея, впервые высказанная достаточно давно (философия существует около трех тысячелетий), многократно повторенная и прожитая человечеством, не может воздействовать на человека архетипически?

На первый взгляд представляется, что предположение о возможности архетипического бытования философских идей противоречит капитальному факту истории духовной культуры: философия никогда не была единой. Мифы разных народов в большей или меньшей степени повторяют или же дополняют друг друга, особенности мифологического мышления общи у всех народов, а потому мифология образует органическую целостность. Философия же на первый взгляд слишком многообразна. Каждому, кто начинает изучать историю философии, прежде всего бросаются в глаза многочисленные течения, направления, школы, опровергающие друг друга, авторские индивидуальности, которые, что вполне естественно, не похожи одна на другую. Более того, расхождения касаются не только различий в решениях тех или иных проблем, но различаются также проблематика, способы обоснования, критерии, предъявляемые к текстам. И все же капитальный факт принципиального многообразия в рамках философии не разрушает единства философии. На фоне несомненных расхождений и противоречий обнаруживается и общее, инвариантное содержание. Достаточно указать хотя бы на диалектику, признаваемую как материалистами, так и идеалистами, которые в свое время активно полемизировали друг с другом по поводу исходного пункта философствования.

История философии демонстрирует также, что во многих философских системах самым слабым местом является обоснование исходного пункта. Нередко допускаются даже аргументы вроде следующих: все развитие науки и практики доказывает... правомерно допустить, что исходный тезис философского учения есть не что иное, как ключевая ценность,

принимаемая его сторонниками. К нему близко примыкают некоторые идеи «местного» характера, то есть такие, которые не разделяются или активно оспариваются сторонниками других учений. Исходный пункт не столько доказывается, сколько просто предпочитается всем прочим. Философские школы различаются своими основаниями как точки зрения в том смысле, в каком этот термин употреблял Лейбниц: монады – разные точки зрения на один и тот же мир. Если бы философия ограничилась одной или несколькими, философская картина мира оказалась бы значительно менее богатой. Различные философские точки зрения обладают правом на существование уже потому, что человечество обладает целым набором ценностей, отнюдь не исключающих друг друга. Поскольку мир един для всех или же поскольку с разных точек зрения видится один и тот же мир, в учениях философов различных школ и направлений обнаруживается инвариантное содержание. Та или иная идея впервые высказывается философами одной школы, а потом усваивается и ассимилируется другими или по крайней мере молчаливо признается ими. В процессе усвоения она теряет полемическую остроту, освобождается от «местных» составляющих и тем самым приобретает общезначимость.

Итак, в философии имеется инвариантное содержание – результат изысканий многочисленных школ, течений, направлений. Оно сводится к некоторому набору базисных идей. Часть из них имеет авторов, которые сформулировали их наиболее точно и емко. Наличие автора, однако, не означает, что они не были известны раньше, в других формулировках. Некоторые признанных авторов не имеют, поскольку идея была впервые выдвинута слишком давно, так что его имя забылось. В процессе развития философской мысли они обретают новые оттенки, обогащаются, обретают новые формулировки, но их суть сохраняется и узнается. «Я полагаю не-я» – так И. Г. Фихте сформулировал стратегию «я», стремящегося познать себя. Несомненно, что до Фихте сформулированная им идея была известна человечеству, что она неоднократно высказывалась и интерпретировалась после него, но формулировка Фихте превосходит прочие краткостью и точностью. «Природе безразлично, тот или другой» – эта формулировка идеи слепой природной воли, которая «заботится» о сохранении рода, но безразлична к индивидам, принадлежит А. Шопенгауэру. Но она, наверное, столь же стара, как и сама философия. Идея, переходящая из одной школы в другую, живущая в философии в течение длительного времени, подкрепленная разными видами знания, просто не может так или иначе не «косеть» в обыденном знании. Не исключено также, что во многих случаях именно обыденное знание было первоисточником базисной инвариантной идеи. Поэтому она так или иначе ощущается и узнается. Потому она и живет не только в философии, но и в искусстве.

Еще одно преимущество мифологической фигуры над философской идеей в плане возможности архетипического восприятия состоит в том, что миф, как и искусство, оперирует образами, тогда как философская идея наиболее естественно выражается в абстрактно-логической форме. Тем не менее и оно не является бесспорным и подавляющим. Любое сколь угодно абстрактное понятие допускает чувственное представление, что было убедительно показано еще Кантом в его учении о схеме понятия. Не исключено также, что философские идеи инвариантного характера, бытующие в обыденном опыте и в литературных жанрах словесного творчества, имеют некоторый устойчивый образный антураж, то есть опираются на более или менее общепринятые в литературе схемы (в кантовском смысле последнего термина). Литературный вариант философствования обладает и некоторыми возможностями, которые крайне трудно реализовать в философии «профессиональной». Он позволяет раскрыть эмоциональную составляющую философской мысли, которая нередко скрывается за содержанием философских трактатов, написанных научным языком.

Некоторые аспекты «бытийного импрессионизма» были исследованы на материале творчества Александра Блока, философичность которого является очевидной и общепризнанной. Свидетельства о впечатлениях, вызванных стихами Блока, содержащиеся в работах А. Белого, Б. К. Зайцева, Р. Косолапова, Ю. Тынянова, К. И. Чуковского и др., обладают странной универсальностью: большинство из них могут быть отнесены не только к Блоку, но и к некоторым другим крупным поэтам (хотя буквально все говорят об уникальности его поэзии). Более того, они живо напоминают страницы гегелевской «Эстетики», на которых раскрывается сущность лирики вообще и рисуется портрет лирического поэта как такового – каким он должен быть. Она, по-видимому, вызвана тем, что в стихах Блока в высшей степени емко выразилась самая сущность лирики. Мне удалось обнаружить только одно замечание (повторенное многими авторами), явно относящееся исключительно к Блоку. Речь идет об *отравлении* читателя его стихами³.

Здесь было бы неуместно попытаться раскрыть *все* инвариантно-философские идеи, которые несет поэзия Блока. Достаточно указать на темы единства мира и всеобщей связи, подобия микрокосма и макрокосма, борьбы и взаимного проникновения космического и хаотического, противоречий в сущности человеческого «я» («двойничества» – в терминах литературоведения), противоречивости и цены прогресса. Наибольший интерес вызывает именно сюжет «отравления», прямо связанный с философским мироощущением поэта.

Среди его стихов только один написан откровенно зло и даже издевательски. Он посвящен Иммануилу Канту: «Сижу за ширмой. У меня /

Такие крохотные ножи....». Исследователи связывают неприязнь Блока к Канту с известной идеей ограничения достоверного знания пределами опыта. Александр Блок почти на всем протяжении своего творчества развивает тему границы, являющуюся для философии вполне традиционной. «Граничная» проблематика в истории философии связана прежде всего с двумя темами: с диалектикой качества и количества и с вопросом о переходе от неподлинного бытия к экзистенции. Надо сказать, что единство этих философских сюжетов не всегда осознается в специальных исследованиях. В стихах Блока тема границы едина. В них нетрудно обнаружить и отзвуки гегелевских суждений о границе как небытии каждого и ином обоих или порождаемом границей беспокойстве, и экзистенциалистских мыслей о пограничной ситуации. Но наиболее существенно то, что для поэта тема перехода границы связывается со стратегической установкой философии как таковой. Персонаж философии экзистенциализма стоит перед границей индивидуального существования, за которой его «ждет» страшная пустота и неизвестность. Философия, возникшая в свое время как суждение о космосе, о беспредельном, подводит человека к пределу опыта и предлагает ему сделать шаг в неизвестное: «Я здесь в конце, исполненный прозренья, / Я перешел граничную черту. / Я только жду условного виденья, / Чтоб отлететь в иную пустоту».

Базовые ценности философских систем могут быть различны. Но философия, какой бы она ни была, отдает предпочтение практически бесполезной рефлексии по поводу трансцендентного перед прямым действием и тем самым *отравляет*.

¹ Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М., 1996. С. 57.

² Там же. С. 59.

³ См., например: Чуковский К. И. Александр Блок как человек и поэт // Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 460.